

Управление мусульман Кавказа в антиармянской стратегии Баку

Комментарий Центра АРВАК, 30.05.2025

Складывается ощущение, что избегая открытого нагнетания антиармянской риторики в преддверии подписания ожидаемого мировым сообществом «мирного договора» между Баку и Ереваном, руководство АЗР уполномочила т. н. «Управление мусульман Кавказа» (УМК) взять на себя часть функций по девальвации мирной повестки и провоцированию срыва договоренностей.

В противном случае сложно объяснить цели бакинского мероприятия от 22.05.2025 (заседание Совета старейшин УМК), на котором было принято решение назначить заместителя председателя УМК Бахтияра Наджафова *«иреванским старейшиной»* или *«кази»*. На заседании также был принят *«Устав Иреванского старейшинства»*, который был представлен другим зампреда УМК Фуадом Нураллаевым. Сам же председатель УМК, шейх-уль-ислам Аллашшукюр Пашазаде выступил на упомянутом заседании с пространной речью, в которой назвал Ереван и Эчмиадзин *«историческими азербайджанскими землями»* и заявил, что, якобы, Армянская Апостольская Церковь (ААЦ) представляет *«опасность для всего региона»*, поскольку продолжает традиционную политику уничтожения и присвоения культурно-религиозного наследия других народов (в частности – азербайджанского) и культивирует реваншистские идеи в армянском обществе.

Таким образом, азербайджанские духовные деятели взяли в разработку нарративы политической власти в Баку о *«Западном Азербайджане»* и о *«возвращении на историческую родину»* сотен тысяч азербайджанцев, – условие, которое И. Алиев пытается включить в «мирный договор» в качестве одного из ключевых его пунктов.

Следует отметить, что УМК с первых же дней образования АЗР в октябре 1991 года проводило политику следования предписанному политическими властями страны жесткому регламенту деятельности и пропагандистской методике как в самом Азербайджане, так и на международном поприще. Особенно эта строгая согласованность и слаженное взаимодействие соблюдались в Карабахском вопросе и относительно повестки армяно-азербайджанских отношений в целом.

Исторически как шиитское, так и суннитское исламское духовенство не обладало институциональной самостоятельностью на территории Аррана и Ширвана, а уже в постсоветский период УМК, лишь формально объединяющее исламские группы и общины АЗР, всегда играло роль некоего придатка политической власти и государственной системы, не имея собственной, отдельной линии действий в интересах уммы и того же государства. В отличие от той же ААЦ, УМК не является обладающим тысячелетнюю историю и традиции свободным институтом духовной идентичности, способным иметь противоречия с госсистемой и политической властью, а считается всего лишь общественной организацией, состоящей на содержании государства, а значит, учитывая специфику Азербайджана, жестко следующий в фарватере интересов правящего режима.

На всем протяжении Карабахского конфликта УМК во главе с бессменным предводителем Аллашшукюром Пашазаде повсеместно пропагандировало идеи

«экспроприации армянами азербайджанского культурно-исторического наследия Карабаха», однако благоразумно старалось в публичном пространстве не радикализировать риторику о правах ААЦ на духовном пространстве собственно самой РА. С санкции азербайджанского правительства УМК в определенные периоды времени даже старалось поддерживать диалог со Первопрестольным Эчмиадзином «в поисках путей солидаризации духовенства и мирного разрешения армяно-азербайджанского конфликта», и поэтому демонстрировало, якобы, аполитичность своей миссии и деятельности в контексте армяно-азербайджанского вопроса.

Последние события, тем не менее, показали, что официальный Баку решил полностью вывести УМК на путь открытого политического конфликта с армянским фактором и также разжечь и задействовать религиозную ненависть и противостояние в регионе. И если раньше от представителей УМК можно было слышать заявления о «трагичной судьбе уничтоженных на территории Армении азербайджанских духовно-культурных памятников» и об «изгнании» мирных азербайджанцев из своей родины в Армении, то сейчас высшее руководство данной религиозной организации уже открыто провозглашает Эчмиадзинские соборы ААЦ духовным наследием азербайджанцев (в своем выступлении Пашазаде назвал Эчмиадзин «Учмуэдзином»), назначает «исламского духовного предводителя Еревана», а также объявляет об угрозе, которую представляет Армянская Апостольская Церковь для народов и государств региона.

Данные откровенно провокационные шаги – акция политического характера, свидетельствующая, что азербайджанское духовенство вовлекается в планы И. Алиева по ликвидации армянской государственности и искоренению армянского фактора в регионе. Другими словами, это объявление войны Армении и армянскому народу азербайджанским исламским духовенством, точнее – той его частью, которая состоит в подчинении бюрократической структуре УМК и не оспаривает авторитет Аллахшукюра Пашазаде. Между тем, с авторитетом у «лидера мусульман Кавказа» действительно имеются проблемы, причем не только внутри страны, но и на всем пространстве исламского сообщества в мире.

Репутация А. Пашазаде на родине не позволяет считать его значимой фигурой в общественно-политическом поле самого Азербайджана. У подавляющего большинства местной общественности сложилось стойкое убеждение в том, что А. Пашазаде, находящийся в должности лидера азербайджанского шиитского (а не кавказского) духовенства со времен СССР, был завербованным КГБ агентом, который продолжил сотрудничество с азербайджанскими и, даже, российскими спецслужбами после провозглашения независимости АзР. Будучи этническим талышом, А. Пашазаде смог удержаться на позиции «духовного лидера» азербайджанских мусульман благодаря беспрекословной лояльности всем без исключения политическим группировкам, успевших побывать у властного руля АзР до президентства Гейдара Алиева. С последним у Пашазаде также сложились ровные отношения, благодаря которым шейх-уль-ислам укрепил личное финансовое благополучие, получив, по сведениям оппозиционных азербайджанских СМИ, возможность участия в ряде бизнесов, принадлежащих ведущими азербайджанскими

кланами, а также обозначив собственные финансовые интересы в деле распределения ежегодных «квот на хадж», получаемых УМК от Саудовской Аравии.

Слепое, как считают в Азербайджане, следование в алиевском фарватере и излишняя финансовая активность шейх-уль-ислама привели к падению авторитета УМК и репутации самого Пашазаде в религиозных кругах южнокавказской республики, причем как суннитских, так и шиитских. Номинально будучи главой совета представителей всех исламских конфессиональных групп в АЗР, А. Пашазаде не обеспечивал должной коммуникации с политической властью тех групп, которые считали себя ущемленными в своих правах и ожидали от правительства более либерализованного режима для организации духовной жизни религиозных общин.

Результатом подобной поляризации духовно-религиозной палитры Азербайджана стала радикализация суннитских групп в Кусарах и Сумгаите, а также духовно ориентированных на Иран шиитских общин на Апшеронском полуострове и в Гяндже, в свою очередь спровоцировавшая жесткие репрессии со стороны политического режима. УМК во главе с шейх-уль-исламом Аллахшукюром Пашазаде фактически не сумело стать балансиrom между политической системой и многоконфессиональной уммой, способным обеспечивать равновесие интересов всех сторон – как власти, так и религиозных течений. С другой стороны, режим Алиевых, очевидно, сознательно маргинализировал в глазах уммы шейх-уль-ислама, вовлекая его в бизнес и различные коррупционные схемы, а также крайне бюрократизировав структуру УМК. Это было сделано с целью девальвации в Азербайджане авторитета духовной власти и предотвращения перспектив усиления клерикальных настроений в обществе. Особенно официальный Баку опасался теократического иранского режима, который, в силу исторических обстоятельств, может претендовать на духовный протекторат над азербайджанской уммой, 80% которой номинально исповедует шиизм распространенный на Южный Кавказ в эпоху кызылбашей.

Можно констатировать, что среди верховных шиитских иерархов Ирана Аллахшукюр Пашазаде абсолютно не пользуется авторитетом, достойным своего номинального положения и сана. Для понимания масштабов девальвации духовной повестки Азербайджана в восприятии иранских клерикалов можно вспомнить один только пример предложения создать в каждой мечети, находящейся в управлении УМК, «*уголки памяти Гейдара Алиева*». Существует ошибочное мнение, что это инициатива исходила от самого А. Пашазаде и его приближенных, однако на самом деле предложение было сделано членами властвующей партии «Ени Азербайджан». Шейх-уль-ислам, даже будучи полностью управляемым политической властью, не мог себе позволить высказать подобное предложение, поскольку оно в корне противоречит основополагающим догмам ислама. Инициатива не была реализована, однако один лишь факт ее оглашения со стороны светской власти способствовал тому, чтобы иранские клерикалы зафиксировали его как проявление оскорбительного отношения азербайджанской власти к исламским традициям и абсолютного падения в Азербайджане авторитета УМК во главе с А. Пашазаде.

Стратегия властей Азербайджана по поддержанию имиджа УМК как бюрократической структуры, не способной иметь самостоятельного общественно-политического веса внутри страны, но, при этом, являющейся удобным инструментом для реализации различных политических комбинаций официального Баку, продолжалась до последнего времени.

Подобная двойственность значения УМК способствовала одновременной игре режима Алиева на двух разных политико-дипломатических досках. С одной стороны, Азербайджан позиционировал себя как светское государство, в которой влияние духовенства и религиозных структур сведено к абсолютному минимуму. С другой стороны, сросшееся с властью духовенство способствует стратегии активного участия Азербайджана в делах исламского мира и использования его площадок для решения внешнеполитических задач, поставленных правящим режимом. Так, А. Пашазаде постоянно избегал из вытекающих из своего статуса и сана обязательств, по ограничению репрессивных действий госаппарата против некоторых исламских общин Азербайджана. Шейх-уль-ислам не только не осудил процесс маргинализации этих общин и политическое давление на их лидеров, но и многократно отметил критикой подобных конфессиональных групп, обвиняя их, а не правящий режим, в нарушении духовного единства и гармонии исламской уммы в стране. Вместе с тем, он активно включился в работу по решению поставленных И. Алиевым внешнеполитических задач в рамках Организации Исламского Сотрудничества (ОИС), членом которой Азербайджан стал 08.12.1991.

В частности, именно эта организация стала одной из основных площадок, на которых Баку генерировал тезис о, якобы, религиозных корнях армяно-азербайджанского конфликта и антиисламском характере ведомой Арменией борьбы на Южном Кавказе. Данный манипулятивный нарратив не получил большого распространения в среде самих исламских стран и особенно тех, где традиционно ценилась роль и влияние армянских христианских общин, однако бюрократизированная и, вследствие этого, ангажированная ОИС, как организация, достаточно активно поддерживала инициативы Баку, видимо подкрепленные традиционными ассигнованиями алиевского режима. Об этом свидетельствует ряд резолюций ОИС, начиная с 1993 г. осуждающих *«армянскую оккупацию исконных азербайджанских земель, с сопутствующим уничтожением, осквернением и присвоением исламского культурно-материального наследия захваченных территорий»*.

Тем самым, Азербайджан стал одной из тех стран, которые стимулировали девальвацию декларируемых ОИС базовых ценностей и устава организации, предполагающих ее аполитичность и следование принципам справедливости. Деградация этой структуры наиболее образно проявляется сейчас, когда исламский мир объял «кризис оцепенения» в связи с событиями в Газе, которые помимо формальных осуждающих заявлений не мобилизовали исламский мир на практические меры по защите прав своих палестинских единоверцев. Однако если даже другие исламские страны как в рамках ОИС, так и на индивидуальном уровне стараются демонстрировать солидарность и сопереживание Газе, то режим И. Алиева,

исходя из интересов военно-политического союза с Израилем, табуировал подобную риторику даже для своих религиозных структур.

За все прошедшее время УМК ни разу не огласило послания, акцентирующего неприятие израильской политики в отношении палестинцев, которую в международных кругах все чаще называют «геноцидальной». Шейх-уль-ислам А. Пашазаде не выступил с заявлением, осуждающим убийство более 15 тысяч палестинских детей, уничтожение свыше 1500 мечетей и других исламских святынь, тотальную продовольственную блокаду сотен тысяч обездоленных жителей Газы. Это табуированные азербайджанской политической властью темы, и их замалчивание такой структурой как УМК свидетельствует о ее полной несостоятельности и отстранении от своей духовной миссии.

УМК последовательно подтверждает роль политического инструмента в руках администрации Алиева, которая маскируя свою авторитарную суть под моделью светскости, жестоко репрессирует духовную жизнь в самом Азербайджане и не откликается на необходимость предметного решения проблем единоверцев по всему миру. Управление полностью перешло в услужение системе, которая не оказала абсолютно никакой моральной и материальной помощи страдающим палестинцам и мусульманам рохинджа, однако систематически тратит миллионы долларов США на организацию всевозможных конференций и семинаров, посвященных «борьбе с исламофобией». Одно из таких мероприятий стартовало в Баку 26.05.2025, став очередным примером давно практикуемой методики Баку по использованию исламского фактора в геополитическом маневрировании и укреплении своих позиций на международной арене. Как правило, на таких мероприятиях азербайджанская сторона и ее партнеры замалчивают проблемы фактического палестинского геноцида, однако активно обсуждают вопросы ущемления прав исламских мигрантов на Западе, дискриминацию мусульман в России и *«катастрофические последствия деятельности армянского религиозного экстремизма, причиняющего страдания исламским народам региона»*. Поэтому вся деятельность УМК и ее лидера А. Пашазаде сейчас сведена только к озвучиванию данной повестки, отчетливо отражающей намерения режима в Баку использовать религиозный фактор в угоду азербайджанским амбициям по переделу региональной политической карты.

Очевидно, что нападки УМК и лично А. Пашазаде на Армянскую Апостольскую Церковь и выдвинутую программу по «восстановлению иреванского казизата» следует трактовать как попытку Баку прежде всего оправдать политику частичного уничтожения, а также присвоения духовно-материального христианского наследия армянского Арцаха путем разыгрывания «албано-удинской карты». В более же широкой перспективе — это заявка Азербайджана на армянский суверенитет и подготовка историко-идеологической платформы для покушения на армянскую государственность, якобы возведенную в начале XX века на исторических землях азербайджанского этноса, якобы несправедливо лишенного армянским экстремизмом своей родины и богатого цивилизационного наследия.

Алиевский режим намеренно выдвинул УМК на острие развязанной им масштабной антиармянской кампании, преследуя цель качественно нового разыгрывания исламской карты, вовлечения в процесс исламских стран и общеисламской уммы и, тем самым, создания широкого фронта поддержки своих планов. И хотя авторитет ААЦ на международной арене, а также в среде собственно исламского сообщества абсолютно не сопоставим с девальвированной репутацией возглавляемого шейх-уль-исламом А. Пашазаде азербайджанского духовенства, следует понимать, что навязываемая армянству идейно-пропагандистская война инициирована куда более значимыми и сильными центрами, нежели УМК. Их стратегия разработана в интересах не исламской идеи, а ново создаваемого *«общетюркского мира»*. Следовательно, контригра армянства может и должна вестись с использованием глубинных, фундаментальных противоречий исламского и, прежде всего, ирано-шиитского фактора с турецко-азербайджанским шовинизмом.